

Ст. преподаватель
кафедры истории СОГУ
Л.Х. Батагова

Проблемы толерантности на Северном Кавказе

Л.Х. Батагова

В научной литературе часто встречаются такие понятия как, «этническая толерантность», «политическая толерантность», «социокультурная толерантность», «этноконфессиональная толерантность» и т.д. Осмысление этого понятия на сегодняшний день становится особо значимым.

Следует подчеркнуть, что проблема толерантности впервые возникла на западе. Отечественные специалисты В.В. Макеев и М.А. Гулиев отмечают: «Первой исторической формой проявления толерантности была веротерпимость, принцип которой утвердился в Весторальском договоре о мире (1648 г.). Этим договором были созданы основы для равноправия религий, в смысле уравнивания прав лютеран, кальвинистов и католиков на всей территории Германии. Его статьи юридически закрепили представление европейцев о том, что для индивидуального и общего блага необходимо признание убеждений и веры другого, «то есть толерантного отношения к нему» [1]. Необходимо помнить, что в религиозных учениях толерантность объясняется как форма проявления любви к ближнему, прощения, терпения. В христианстве, например, трактуется следующим образом: «... и пойдя, прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой» [2]. Примерно та же самая трактовка имеется и в исламе: «Не войдите в рай, пока не уверуете, а не уверуете, пока не возлюбите друг друга: распространяйте мир между собой!» [3]. В высшей степени интересное объяснение данного феномена имеется и в иудаизме: «Господь сказал: Походи на меня; если я плачу добром за зло, ты плати добром за зло» [4]. Таким образом, исходя из религиозных учений, толерантность в будущем выглядит так: «Никогда в этом мире ненависть не прекращается ненавистью, но отсутствием ненависти прекращается она» [5].

В истории политической философской мысли толерантность понималась как «сдержанность для себя и позволение другому». Представитель английской философской и политической мысли Дж. Локк отмечал: «Терпимость по отноше-

нию к тем, кто в религиозных вопросах придерживается других взглядов, настолько согласуется с Евангелием и разумом, что слепота людей, не видящих при столь ясном свете, представляется чем-то чудовищным» [6]. Локк считал, что никто не наделен властью навязывать другому свою веру. Все, что приносит вред государству, по его убеждению, не должно разрешаться и церковью. Он писал: «Государственная власть не должна государственным законом предписывать символы веры, т.е. догматы, или то, как именно следует чтить Бога» [6, с. 96]. Российский исследователь этнических проблем, профессор Л. М. Дробижева трактует толерантность не только с точки зрения научного подхода. Она замечает, что теоретическая трактовка толерантности имеет не только научное, но и идеологическое, политическое значение [7]. Понятие «толерантность» «Советский энциклопедический словарь» объясняет как «терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению» [8]. В «Краткой философской энциклопедии» под толерантностью понимается «терпимость к иному рода взглядам, нравам, привычкам. Толерантность необходима по отношению к особенностям различных народов, наций и религий. Она является признаком уверенности в себе и в осознании надежности своих собственных позиций, признаком открытого для всех идейного течения, которое не боится сравнения с другими точками зрения и не избегает духовной конкуренции» [9]. В «Словаре по этике» (под редакцией А.А. Гусейнова и И.С. Кона) под толерантностью понимается «терпимость – моральное качество, характеризующее отношение к интересам, убеждениям, верованиям, привычкам и поведению других людей. Выражается в стремлении достичь взаимного понимания и согласования разнородных интересов и точек зрения без применения давления, преимущественно методами разъяснения и убеждения» [10]. Обращаясь к проблеме определения сущности толерантности, профессор Р.Р. Валитов определяет ее как «моральную добродетель личности, характе-

ризующую ее отношение к другому как свободной, равнодостаточной личности, которое состоит в добровольном и сознательном подавлении чувства неприятия, вызванного его определенными свойствами, как внешними (расовые, национальные особенности), так и внутренними (исповедуемая религия, чтимые традиции, нравственные предпочтения), в настроенности на диалог и понимание другого, отказе от привилегии первого лица, признании и уважении его права на отличие» [11].

Необходимо отметить, что в случае этнических конфликтов, когда используются террористические методы борьбы, толерантность имеет свои аспекты. Профессор Н.М. Лебедева считает, что под этнической толерантностью понимается отсутствие негативного отношения к какой-либо иной этнической культуре [12]. Американский теоретик Майкл Уолцер рассматривает толерантность при наличии множественности этнических групп и религиозных общин. Он пишет: «Предметом моего рассмотрения является толерантность в отношении культурных, религиозных различий и различий в образе жизни, то есть таких, при которых разнящиеся друг от друга люди не являются партнерами в каком-либо деле или начинании, и существование между ними различий не является неотъемлемой частью какой-либо игры или иной объединяющей их и культивируемой ими необходимости» [13].

Заметим, что этническая нетерпимость – форма проявления кризисных трансформаций этнической идентичности. В основе этнической нетерпимости лежит повышенная чувствительность к лицам других национальностей. Она может выражаться в широком диапазоне – от легкого дискомфорта и раздражения, никак не реализуемых в поведении, до различных форм дисциплинирующего поведения и даже взрывов негодования и ненависти [14].

Необходимо подчеркнуть и то, что толерантность как моральная ценность не может отрицать различий, возникновения противоречий и конфликтных ситуаций. Однако, как верно, на наш взгляд, утверждает один из крупнейших отечественных исследователей В. А. Тишков, «не позволяет реально существующим в каждом обществе явлениям неравенства, состязательности и доминирования проявиться в манифестных и насильственных формах» [15].

Следует отметить, что формирование религиозной и этнической толерантности является одним из основных факторов, которые способствуют консолидации полиэтнического и многоконфессионального общества.

В «Декларации принципов толерантности», которая была утверждена резолюцией 5.61 генеральной Конференции ЮНЕСКО от 16 ноября

1995 г., в ст. 1 говорится: 1.1. «Толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение, свобода мысли, совести и убеждений. Терпимость – это гармония в многообразии. Это не только моральный долг, но и политическая, и правовая потребность. Терпимость – это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира; 1.2. Толерантность – это, прежде всего активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человека. Ни при каких обстоятельствах терпимость не может служить оправданием посягательств на эти основные ценности, терпимость должны проявлять отдельные люди, группы и государства» [16]. Далее в п.4 ст.1 отмечается: «Проявление терпимости, которое созвучно уважению прав человека, не означает терпимого отношения к социальной несправедливости, отказа от своих и уступки чужим убеждениям. Это означает, что каждый свободен придерживаться своих убеждений и признает такое же право за другими. Это означает признание того, что люди по своей природе различаются по внешнему виду, положению, речи, поведению и ценностям и обладают правом жить в мире и сохранять свою индивидуальность. Это также означает, что взгляды одного человека не могут быть навязаны другим» [16]. В этой связи интересной представляется точка зрения дагестанского исследователя религиозного экстремизма К.М. Ханбабаева, который отмечает, что такая постановка толерантности в России подвергается резкой критике, которая опирается на следующие положения:

1. «Внедряемая в России установка толерантности есть не что иное, как секулярная идеологическая парадигма. Навязывание же идеологии толерантности в качестве общеобязательной противоречит Конституции РФ, в которой признается идеологическое многообразие. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной (Конституция РФ ст. 13 ч.1,2).

2. Международные, государственные, общественные организации и структуры не вправе диктовать гражданину свое мнение по отношению к различным светским и религиозным идеям и представлениям, не вправе навязывать ему свое видение их культурных и ценностных характеристик и тем более призывать к уважению и принятию их морально-нравственных позиций и мировоззренческих установок. Это противоречит не только международному законодательству, но и Конституции РФ, где, в частности, (ст.9,ч.2) го-

ворится о том, что «государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от его убеждений и отношения к религии», а также (ст. 29, ч. 30), что «никто не может быть принужден к выражению своих мнений или отказу от них».

3. Идеология толерантности, в конечном итоге, воспитывает равнодушного к безнравственным идеям и поступкам гражданина, космополитичного и оторванного от своих традиционных корней человека» [17].

Важным аспектом современного состояния российского общества является тот факт, что существенно возросла религиозная и этническая нетерпимость. Религии в истории народов России, и в частности Северного Кавказа, сыграли огромную роль. Они и сегодня продолжают оставаться основной формой общественного сознания. Становление гражданского общества и изменение характера государственно-конфессиональных отношений в регионе способствует возрастанию роли религии. Религиозная ситуация, интенсивность религиозных проявлений, степень их воздействия на общество определяются факторами полиэтничности, поликонфессиональности, поликультурности населения всего Северного Кавказа. Так, например, директор информационно-аналитического центра «СОВА» (Москва) А. Верховский пишет, что «тема толерантности, в том числе религиозной, ассоциируется в российском обществе с темами противодействия экстремизму и даже терроризму. Это само по себе вполне объяснимо, если согласиться с тем, что религиозный фактор в общественной жизни в последние годы становится все заметнее и что религиозно мотивированное насилие, в том числе террор, становится все большей проблемой для России. Вот и о толерантности говорят все больше» [18].

Особое внимание следует обратить на этноконфессиональную толерантность, которое по нашему убеждению, означает одинаковое отношение государства ко всем народам, религиям и вероисповеданиям. Важным условием этноконфессиональной толерантности, по нашему мнению, является невмешательство государства в вопросы вероисповедания. Исторически такие религии, как ислам, христианство, иудаизм стали этноинтегрирующей основой формирования народов Северного Кавказа. Известные дагестанские ученые А.К. Алиев, З.С. Арухов, К.М. Ханбабаев отмечают: «Религиозные организации республик Северного Кавказа ориентируют людей на мирные отношения между народами и религиями. Широкая религиозная общность данного региона выступает за согласие и мир между верующими всех конфессий, за многонациональный Северный Кавказ в составе Россий-

ской Федерации. Религия оказывает существенное влияние на духовную культуру и общественное сознание в целом. Исламские, христианские и иудейские духовно-нравственные системы ценностей активно воздействуют на формирование мировоззрения верующих, особенно молодого поколения. Определенная часть верующих видит в исламе, христианстве и иудаизме не только религию, но и комплекс исторических традиций, социально-экономических институтов и философско-этических принципов» [19].

По мнению исследователя данного вопроса К.М. Ханбабаева, исторически усиление религиозного фактора совпадает с переломными этапами общественного развития, с периодами ломки старого уклада жизни и рождения нового. Он пишет: «Именно такой период в своем развитии переживает сейчас российское, в том числе и дагестанское общество. Эта ситуация рождает общественный спрос на религии, усиливает социальные ожидания, обращенные к религиозным организациям. С началом демократических преобразований масштабы влияния, роль и значение религии в обществе заметно расширились, возвысился их общественный престиж и авторитет, в результате чего религия стала существенным фактором общественного развития в современной России, особенно на Северном Кавказе и в Дагестане» [20]. Такой вывод ученого является убедительным и аргументированным.

Следует отметить, что Дагестан занимает первое место в России по уровню религиозности и интенсивности совершения религиозной обрядности. Исследователь ислама на Северном Кавказе, профессор М.В. Вагабов указывает на то, что «среди всех регионов распространения ислама в РФ, даже СНГ, по уровню проявления в сознании, психологии, быту и соблюдению мусульманской суннитской обрядности Дагестан, бесспорно, занимает первое место и сохраняет за собой титул форпоста суннитского ислама на Кавказе» [21]. Однако другой исламовед М.-Р.А. Ибрагимов считает, что количественное возрождение ислама не дало качественного роста духовной жизни мусульман Дагестана и не стало основой консолидации дагестанского общества. Он замечает: «Несмотря на увеличение количества мечетей, высших и средних мусульманских заведений, религиозных партий и организаций, литературы и других пропагандистских средств, уровень религиозного сознания оставался крайне низким, что наряду с экономическими и политическими факторами создавало благоприятную среду для религиозного экстремизма» [22]. Думаю, что и этот вывод является обоснованным и убедительным.

Интересно, что среди дагестанских народов, которые испокон веков были преданы мусульман-

ской культуре, в последние годы широкое распространение получил протестантизм. Еще большего успеха протестантизм достиг в Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Адыгее. К 2000 г. во всех этих республиках появились автономные группы баптистов, евангелистов и особенно пятидесятников, которые состояли из представителей коренных народов¹ [23] Северного Кавказа. Естественно, среди мусульманского духовенства и рядовых верующих возникли антипротестантские настроения. Примером может служить реакция мусульман в мае 1998 г. на приезд в Карачаево-Черкесию Эдвардсона, норвежского проповедника-евангелиста. Во время его визита, где бы он ни проезжал, устраивались антихристианские демонстрации и распространялись листовки, где говорилось: «Эти гнусные протестанты хотят посредством разврата разрушить основы исламского общества. Пропагандистские организации христиан распространяют лживые сообщения о бессилии своих учреждений и провале своих планов. Их цель – обманом успокоить и словно гипнозом усыпить мусульман, чтобы они не выступали против христианской пропаганды. Сегодня и в нашей республике мы наблюдаем активизацию христианской пропаганды и некоторые результаты ее пагубного воздействия. Нашу республику наводнила масса религиозной и особенно сектантской литературы. Эти книги и брошюры очень высокого качества полиграфии. В основном они засылаются к нам из Англии и США». Перешедших в христианство горцев их близкие подвергают остракизму и даже лишают погребения в родном селе [19, с. 293–234].

Народы Северного Кавказа, как и народы всей России на данный момент, переживают период переосмысления своих религиозных, национальных и исторических традиций. В этой связи интересен факт многоконфессиональности Республики Северная Осетия-Алания, где сосуществуют православные, мусульмане, иудеи, евангельские христиане, католики и др. Исследователи ислама А.К. Алиев, З.С. Урухов, К.М. Ханбабаев отмечают: «Среди осетин соотношение (номинально-условно) христианского (православно-го) и мусульманского населения составляют примерно 5:1. Известное место в религиозной палитре Северной Осетии занимают также (непропорционально своей численности) «Свидетели

Иеговы» (главным образом, среди осетин-южан и местных русских); значительно более скромное место занимают баптисты. При определении конфессиональных пропорций среди осетин оценки экспертов варьируются: 75–80 % христиан и 15–18 % мусульман. Однако точность подобных оценок малосущественна в силу того, что среди осетин не развита традиция «истойной» религиозности, связанная с жестким следованием культуре. Показательно, что условное конфессиональное различие среди осетин абсолютно никак не является критерием при формировании внутриосетинских семейных и иных связей» [19, с. 298].

Важной особенностью Республики Северная Осетия-Алания является то, что здесь религиозный экстремизм практически себя никак не проявляет. Причина заключается, на наш взгляд, в том, что политические факторы оказывают свое влияние на динамику конфессиональных предпочтений большинства осетин. Но, несмотря на то, что официально действующие мусульманские организации в Осетии тесно взаимодействуют с республиканскими властями и с религиозными объединениями других конфессий, на бытовом уровне проявляются случаи враждебного отношения к тем, кто выходит за рамки мусульманских канонов. Анализ проблемы позволяет утверждать, что религиозно-политический экстремизм в Северной Осетии в своей основе имеет внешний характер. Убедительный пример – теракт в школе №1 г. Беслана 1–3 сентября 2004 года.

Заметим, что мусульмане в Северной Осетии являются меньшинством. Однако противостояние между официальными и неофициальными исламскими структурами, оказывающими влияние на политическую ситуацию, имеет место даже в такой слабо политизированной республике, как Республика Северная Осетия-Алания.

Следует отметить, что главная угроза безопасности Российской Федерации исходит со стороны радикального религиозно-политического экстремизма, с его стремлением навязать обществу модель на основе жесткого подавления инакомыслия – модель «исламского государства». Представители ваххабизма не приемлют региональную модель ислама, проявляют нетерпимость к неисламским традициям. Известный российский исламовед А.А. Игнатенко пишет: «Внедрение ваххабизма обязательно приводит

¹ Под коренным народом подразумевается дефиниция, которую дал доктор исторических наук, профессор В.Д. Дзидзов. Согласно его определению, «коренным (автохтонным) народом (коренной нацией) должен считаться тот, который на данной конкретной территории живет веками, а то и тысячелетиями. Этногенез этого народа произошел именно здесь, и он создал на данной конкретной территории свои лучшие национальные творения (язык, эпос, культуру, традиции, духовность и т.д.), неоднократно защищал ее с оружием в руках от различных завоевателей и притеснителей, обильно проливая кровь своих сыновей и дочерей, что дает ему политическое и моральное право называть эту землю исконной, родной, отцовской, суверенной» (См.: Научная мысль Кавказа. Междисциплинарные и специальные исследования. – Ростов-на-Дону. 2008, № 3, с. 50).

(об этом свидетельствует 30-летний опыт его распространения в мире) к следующим сугубо негативным для общественной стабильности и государственной безопасности последствиям:

- расколу национального мусульманского сообщества в той или иной стране;

- созданию из части расколотого национального мусульманского сообщества (она может быть небольшой) активной антисистемной (антиобщественной и антигосударственной) группы или групп;

- включению этой группы (групп) во всемирную сеть ваххабистских организаций с единой идеологией, централизованным руководством, внешним финансированием и, естественно, идущим извне, из ваххабистского центра (центров) политическим целеполаганием;

- распространению идеологии религиозной и национальной нетерпимости и вражды, реаль-

ному осуществлению религиозной дискриминации сегрегации в тех зонах, где ваххабизм сумел закрепиться;

- теоретическому оправданию насилия, экстремизма и терроризма в отношении всех тех, кто провозглашается «неверными»;

- активному ведению вооруженной борьбы или осуществлению террористических актов против «неверных» [23].

Заметим, что все эти вызовы Северный Кавказ испытал на себе на протяжении последних 20 лет. Сегодня, когда Российская Федерация, вопреки всем пессимистическим прогнозам, возрождается и набирает экономическую, военную и политическую мощь, необходимо вести продуманную, эффективную политику, направленную на окончательное преодоление угроз государственной безопасности Российской Федерации на Северном Кавказе.

Литература

- 1. Макеев В.В., Гулиев М.А.** Политическая толерантность в межэтнических конфликтах. – Ростов-на-Дону, 2003. с. 11.
- 2. МТФ 5:** 38–40 (24).
- 3. Хадис** Муслима.
- 4. Исход Рабах.** 26.2.
- 5. Джамаида.** 5.
- 6. Локк Дж.** Сочинение в 3 томах. – М., 1998. Т.3. С. 93, 96.
- 7. Дробижева Л.М.** Проблемы этнической толерантности в условиях роста этнического самосознания народов Российской Федерации // Толерантность в общественном сознании России. – М., Центр общечеловеческих ценностей. 1998. С. 26.
- 8. Большой** энциклопедический словарь: в 2-х т./ гл. ред. Прохоров – М.: Сов. энциклопедия, 1991. Т. 2. С. 726.
- 9. Краткая** философская энциклопедия. – М.: Прогресс-энциклопедия, 1994. С. 457.
- 10. Словарь** по этике/ Под ред. А.А. Гусейнова, И.С. Кока. – М., 1998. С. 447.
- 11. Безюлева Г.В., Бондырева С.К., Шиламова Г.М.** Толерантность в пространстве образования. – М., 2005. С. 8.
- 12. Лебедева Н.М.** Теоретико-методологические основы исследования этнической идентичности и толерантности в поликультурных регионах России и СНГ// Идентичность и толерантность. – М., 2002.
- 13. Майки Уолцер.** О терпимости. – М., 2000. С. 24.
- 14. На пути** к толерантному сознанию/Отв. ред. А.К. Асмолов. – М., 2000. С. 178.
- 15. Тишков В.А.** Толерантность и согласие в трансформирующихся обществах/ Культура мира и демократии. – М., 1997.
- 16. Декларация** принципов толерантности ЮНЕСКО, <http://www.Olkautra.ru>.
- 17. Толерантность** в полиэтноконфессиональном регионе. Т-52. Сборник научных статей/ науч. ред. А.К. Алиев. – Махачкала, 2007. С. 56–57.
- 18. Верховский Александр.** Религиозная толерантность между уголовными законами и общественной полемикой//<http://www.rusion.ru/news/23.03.2005-2.html>.
- 19. Алиев А.К.** Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе. – Махачкала, 2007. С. 501, с. 293–294.
- 20. Магомедов А.М., Ханбабаев К.М.** Государственно-конфессиональные отношения в Республике Дагестан // Государство и религия в Дагестане. Информационно-аналитический бюллетень. №2, 2003. – Махачкала, 2003. С. 5–6.
- 21. Вагабов М.В.** Внешние и внутренние факторы распространения ваххабизма в Дагестане и Чечне // Алимь и ученые против ваххабизма. – Махачкала, 2001. С. 146.
- 22. Ибрагимов М.-Р.А.** Этносы и конфессии Дагестана в конце XX-начале XXI века// Этнополитические исследования на Северном Кавказе: состояние, проблемы, перспективы. – Махачкала, 2005. С. 215.
- 23. Игнатенко А.А.** Обыкновенный ваххабизм, часть 3//<http://www.ru./politicos/2001.09.14>.